

Московская газета. Москва. 1912. 27 февраля

СРЕДИ СНѢГОВЪ...

Какъ умирала Магдалина Дальская.

Въ одномъ изъ театральнхъ журналовъ помѣщена интересная исповѣдь артистки Ольги Орликъ, на глазахъ которой разыгралась вся тяжелая трагедія послѣднихъ дней, только что схороненной Магдалины Викторовны Дальской. помѣщена интересная исповѣдь артистки Ольги Орликъ, на глазахъ которой разыгралась вся тяжелая трагедія послѣднихъ дней, только что схороненной Магдалины Викторовны Дальской.

Свои отношения къ Дальской г-жа Орликъ называетъ „напряженно враждебными“. Вражда эта, видимо, не покинула г-жу Орликъ и послѣ смерти Дальской.

Въ якобы сочувственныхъ строкахъ она не жалеетъ ставить точку надъ і, раскрывая всѣ скобки пережитаго. Но отъ этого исповѣдь врага, особенно женщины-врага, становится только ярче и интереснѣе.

Врагъ-мужчина просто клеймитъ своего противника, врагъ-женщина извѣстъ сквозь слезы сочувствія, кусаетъ—лаская, душитъ—обнимая.

Вотъ рассказъ г-жи Орликъ.

Умерла Магдалина Дальская. Законченъ послѣдній актъ читинской трагедіи. Она развивалась на лихорадочной почвѣ строительной горячки...

Въ некультурной, самодурной средѣ подрядчиковъ... Одурачивая отъ тоски въ тайгѣ, среди снѣговъ, среди изнемогающихъ рабочихъ, прорывающихъ тропу въ

мерзлой почвѣ, подрядчики приѣзжали въ Читѣ отводить душу и показывать свое „ахерство“, такъ, чтобъ „звонъ шелъ по всей линіи“, по ихъ выраженію. Магдалина Дальская съ своей удалью и безпамятностью подошла къ настроенію этой горячки, какъ малярійная ограда, въѣдающаяся въ организмъ на долгое время. Приѣзжали одурѣвшіе подрядчики, „ахерствовали“ во-сю и затягивали Дальскую въ непрерывные кутежи.

Образовались лагеря, которые по очереди „дѣлали чахотку“ мнѣ или Дальской, начиная съ такого рода характернаго самодурства:

Въ гостиницѣ, гдѣ мы жили съ Дальской, помѣщался ресторанъ, гдѣ столы были уставлены цвѣтущими гіацинтами; я, или Дальская, выражали желаніе получить розовый цвѣтокъ, а не бѣлый. Подзывали метръ-дотеля и предлагали 100 рублевую бумажку въ награду, если онъ срѣжетъ цвѣтокъ именно на томъ столѣ, гдѣ сидѣла я или Дальская, для того, чтобъ вызвать какъ можно больше шумихи, а то и маленький скандалъ для циркуляціи крови.

Жажда „дѣлать чахотку“ росла кресcendo и иногда доходила до лихорадочнаго напряженія и за кулисами, что отражалось, конечно, на дѣлѣ, и порождало не мало побочныхъ драмъ. Послѣднимъ побужденіемъ сдѣлать самую же-стокую чахотку явилась антреприза Дальской съ цѣлью поѣхать на гастроли въ Нерчинскъ.

Для этого нужно было добыть денегъ, и, конечно, кто знаетъ Дальскую, долго ей задумываться не пришлось надъ этимъ вопросомъ. Подвернулся нѣкто Орликовъ, который предложилъ Дальской на поѣздку деньги. Поѣздка въ Срѣтенскъ и Нерчинскъ окончилась благополучно, и Дальская продолжала дѣло въ Читѣ. Дѣла шли неважно, нужда требовала денегъ и денегъ. Орликовъ давалъ ихъ съ трудомъ. Часто уѣзжалъ въ Срѣтенскъ, гдѣ онъ жилъ раньше. А въ мѣстѣ душѣ Магдалины Дальской рядомъ со страстью къ кутежамъ и жадной тщеславію жило пылкое, лихорадочное и нескромное чувство къ Бартеневу. Бартеневъ, очень нервный, впечатлительный, одаренный юноша, привлекалъ Магдалину своимъ болѣзненнымъ, страстнымъ обожаніемъ и преданностью безъ мѣры.

Это была любовь самоотверженная и всепрощающая. Онъ мучился, метался и глубоко и остро страдалъ отъ ея кутежей и измѣнъ. Но готовъ былъ перенести страданія самыя нестерпимыя, когда Магдалина мирилась съ нимъ и осыпала его лихорадочно страстными и нѣжными ласками. Ихъ ссоры и примиренія не разъ бывали на репетиціяхъ. Дальская, такая крайняя натура, способна была въ своей необузданности оскорблять и унижать Бартенева безъ всякой пощады. И вслѣдъ за этимъ на другой же день она окутывала его цѣлымъ моремъ ласкъ. Бартеневъ метался въ этомъ зачарованномъ для него кругу и не разъ пытался вырваться. Онъ собирался уѣхать въ Петербургъ, укладывалъ вещи и говорилъ въ страстной тоскѣ: „бѣжать, надо бѣжать отсюда, я тону!“ Но Магдалина бросалась передъ нимъ на колѣни, прижималась къ его ногамъ, рыдала, просила прощенія молила остаться, осыпала ласками, и зачарованный кругъ замыкался опять надъ Бартеневымъ. А горечь обидъ и униженій нарастала и ложилась тяжелымъ гнетомъ на его чуткую душу, натянутую, какъ тонкая струна. И вотъ струна перетянулась и порвалась въ нестерпимой боли съ болѣзненнымъ стономъ, съ крикомъ безумія.

Это случилось 4-го мая прошлаго года. Я стояла въ коридорѣ Даурской гостиницы противъ номера, гдѣ жила Дальская. Ко мнѣ подошла одна изъ нашихъ выходныхъ актрисъ, раздѣлявшая всѣ кутежи съ Дальской, и съ улыбочкой сказала, что Дальская только что стрѣляла въ Орликова, непредвидѣнно нагрянувшего изъ Срѣтенска. Я не придавала значенія ея словамъ, такъ какъ передъ этимъ за минуту встрѣтила Орликова на лѣстницѣ съ спокойнымъ лицомъ и, какъ мнѣ показалось, фатовато и шутливо прижатой рукой къ сердцу. Я не подозрѣвала, что рука была про-

стрѣлена. Черезъ нѣсколько минутъ по коридору быстро прошелъ Бартеневъ въ пальто и шляпѣ и постучалъ въ номеръ Дальской. На минуту онъ нѣсколько тревожно оглянулся на насъ. Актриса, стоявшая со мной, засмѣялась и сказала:

— Ну, теперь опять пойдетъ примиреніе.

Я простилась съ ней и пошла къ себѣ въ номеръ, такъ какъ былъ уже 12-й часъ ночи. Не успѣла я дойти до конца коридора, какъ услышала безумный крикъ. Я замерла на мѣстѣ. Черезъ минуту актриса, стоявшая раньше со мной, въѣжала въ номеръ къ Дальской, затѣмъ выскочила оттуда и крикнула мнѣ:

— Дальская убила Бартенева наповаль въ високъ.

Мнѣ сдѣлалось дурно, и я прислонилась къ двери.

На минуту наступила зловѣщая тишина. Всѣ кругомъ притаились въ своихъ номерахъ. Затѣмъ выѣжала Дальская съ жуткимъ, дикимъ крикомъ; никогда не забуду этой трагической фигуры. Съ сбитыми волосами, съ безумными глазами, съ поднятой окровавленной рукой, съ которой текли капли густой крови. Она бѣжала ко мнѣ и судорожно схватила меня за грудь окровавленной рукой, и безумнымъ ужаса горѣла ея глаза. Одинъ моментъ, я думала, она хочетъ душить меня въ припадкѣ безумія, такъ какъ наши напряженно враждебныя отношенія подошли къ этому времени къ степени крайняго возбужденія. Но она хрипло прошептала:

— Спасите его, онъ еще дышитъ.

Она шаталась и какъ-бы задыхалась. Къ этому времени собралась толпа на лѣстницѣ, кругомъ слышались восклицанія, комментаріи, вопросы,—я отвела Дальскую въ номеръ рядомъ, гдѣ лежалъ Бартеневъ, велѣла подать воды, обмыть кровавую руку, видъ которой пугалъ ее. Опѣшённыя ея продолжалось, и она не могла говорить нѣсколько минутъ и мало соображала окружающее.

Я хотѣла бѣжать къ Бартеневу, но она цѣплялась за меня и не отпустила. Около нея стоялъ ея старшій сынъ, онъ тяжело и хрипло дышалъ и ласково успокаивалъ мать. Я спросила ее:

— Магдалина Викторовна, какъ могло это случиться?

Она перевела глаза на рядомъ стоящую актрису, ея бывшую пріятельницу по кутежамъ, и сказала:

— Катя, это ты виновата, ты доносила все Орликову. Я упрекала Сапу, что онъ всегда не во время попадаетъ на моемъ пути, мнѣ нечѣмъ теперь заплатить трупнѣ и... и онъ застрѣлился.

Признаюсь, я какъ-то облегченно вздохнула отъ ея признанія. Меня душило это кровавое пятно убійцы, которое она оставила на моей груди... Я до сихъ поръ глу-

боко убѣждена, что Бартеневъ застрѣлился самъ, но Дальская его довела до этого и даже толкнула на самоубійство въ послѣдній моментъ. Но все же картина этой трагедіи сложилась при очень загадочныхъ обстоятельствахъ, и слѣдствіе, которое велось на моихъ глазахъ, заставило колебаться даже меня, первую выслушавшую признаніе Дальской. Въ то время, когда обмывали окровавленную руку Дальской, вопелъ приставъ и спросилъ, гдѣ револьверъ? Дальская отвѣтила слабымъ голосомъ:

— Должно быть, тамъ.

Приставъ сказалъ:

— Тамъ не нашли.

Тогда сынъ ея, послѣ нѣкоторой паузы, вынулъ револьверъ изъ кармана и сказалъ:

— Вотъ револьверъ и нѣтъ пуль, шестая застряла въ стѣнѣ.

Я спросила Дальскую, какъ она могла допустить Бартенева взять револьверъ.

— Алеша, какъ вы не помѣнили ему?

Дальская послѣпнно отвѣтила:

— Алеша читалъ и ничего не видѣлъ.

Затѣмъ она начала рассказывать, какъ произошла вся эта исторія. Орликовъ пріѣхалъ неожиданно, наканунѣ того дня, въ который обѣщали привезти деньги для расплаты съ трупной, и засталъ у нея Бартенева и поэтому отказался дать деньги Дальской для трупны.

Затѣмъ у него съ Дальской начались пререканія изъ-за Бартенева, и онъ началъ издѣваться надъ Дальской и сказалъ ей, что если ей нужны деньги, то пусть она придетъ къ нему въ номеръ, —ушелъ. Дальская взяла револьверъ Бартенева, который отняла у него раньше въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ угрожалъ застрѣлиться,—послала сына за Орликовымъ, наѣхла на кутежу, чтобъ держать револьверъ скрытымъ, и сѣла въ кресло. Когда Орликовъ вошелъ, у нихъ произошло горячее объясненіе; онъ продолжалъ издѣваться. Тогда Дальская выстрѣлила въ него въ упоръ и понала въ плечо. По ея словамъ, онъ даже не вздрогнулъ, продолжалъ курить папиросу и, сказавъ: „Вы бы лучше въ себя выстрѣлили“.

Повернулся и ушелъ. Тогда-то я его встрѣтила на лѣстницѣ. Дальская сейчасъ же послала записку Бартеневу: „Стрѣляла въ Орликова, что будетъ дальше—не знаю“. Записку написали потомъ въ карманѣ у Бартенева. Затѣмъ, когда пришелъ Бартеневъ, она начала осыпать его упреками, и послѣдними словами было, по словамъ сына: „ты можешь?“ Бартеневъ сказалъ: „могу“, схватилъ револьверъ, выстрѣлилъ въ високъ и упалъ къ ногамъ Магдалины. Она бросилась зажимать рану на головѣ, откуда кровь била фонтаномъ, отчего ру-

ка ея была вся въ крови, и она въ ужасѣ со стономъ шептала: „мозгъ, ахъ, мозгъ прилипъ у меня къ рукѣ“. Я бросилась въ комнату, гдѣ лежалъ еще Бартеневъ, но меня не пустила уже нагрянувшая полиція, и товарищъ прокурора озабоченно меня спрашивалъ, какъ я себя чувствую. Оказалось, что кровавое пятно на моей кофточкѣ, картина на полотнѣ лѣстницы съ Дальской, въ связи съ нашей бурной враждой, —породили много комментаріевъ въ публикѣ, и кто-то по телефону сообщилъ прокурору, что Дальская не то ранила, не то убила Орликовъ. Впослѣдствіи созвучіе моей фамиліи съ Орликовымъ подтвердили эти комментаріи въ газетахъ, и мнѣ приходилось переживать тяжелыя недоразумѣнія съ родными и друзьями.

Начали снимать допросъ съ Дальской; она очень волновалась и давала сбивчивыя показанія, чѣмъ усиливала павшее на нее подозрѣніе въ убійствѣ Бартенева. Картина получилась загадочная. Только что стрѣляла въ одного, послала загадочную записку, крисуетствоваль при самоубійствѣ родной сынъ 16-ти лѣтъ, и Бартеневъ, не приходя въ сознаніе, скончался на другой день въ больницѣ, куда его перевезли.

На слѣдствіи многія показанія, направленіе пули и вскрытіе тѣла Бартенева, все это такъ запутывалось, комментировалось, что Дальскую рѣшили арестовать. Въ публикѣ шло очень много толковъ, и весь городъ былъ такъ возбужденъ противъ Дальской, что на похоронахъ Бартенева боялись за ея безопасность.

Дальская явилась въ глубокомъ траурѣ, но въ локонахъ и тщательно одѣтая. Надъ могилой она забыла свои локоны и эффектно рвалась въ могилу и кричала: „могу, могу“. Черезъ нѣсколько дней ее арестовали и отвезли въ тюрьму. Никто, кромѣ ея сыновей, не навѣщалъ ее, такъ велико было возбужденіе противъ нея за безвременную гибель Бартенева, яснаго, одареннаго юношу съ прекраснымъ будущимъ. Загублена молодая душа, много любившая, безъ мѣры прощавшая.

Передъ отъѣздомъ во Владивостокъ въ турнѣ съ незабвеннымъ В. П. Далматовымъ я поѣхала въ тюрьму навѣстить Дальскую. Ее привели подъ конвоемъ въ контр-ру надзирателя.

Дальская была въ локонахъ, съ легкимъ гримомъ на лицѣ, шутливая и смѣялась съ сыновьями, жаловалась на свое заключеніе, говорила о томъ, что она роковая женщина и подъ конецъ искренно и горько разрыдалась надъ своей судьбой и просила хлопотать за нее въ Владивостокъ, чтобъ кто-нибудь изъ бывшихъ друзей взялъ ее на поруки. По ходу слѣдствія залогъ за нея увеличивался и достигъ 10,000 рублей. Достать такія деньги было труд-

но, бывшіе друзья и поклонники и родные не отзывались на телеграммы и запросы и на личные переговоры отвѣчали отказомъ.

Во Владивостокѣ я получила телеграмму, что Дальскую взяли на поруки. Устроилъ это дѣло тотъ, кого она никогда не дарила своей любовью, кто видѣлъ въ ней несчастную, погибающую душу, ярко одаренную и мятущуюся. Когда я лѣтомъ послѣ поѣздки съ Далматовымъ встрѣтила Дальскую—она была эффектно одѣта, очень похудѣла, лихорадочный блескъ горѣлъ въ ея глазахъ, и она какъ-то нервно и судорожно смѣялась и шутила съ окружающими. Затѣмъ она выступала въ труппѣ Долина, преимущественно въ пьесахъ уголовнаго характера, какъ „Г-жа Х.“, „Убійство въ гостиницѣ Бристоля“ и т. д. Въ это время ее поддерживали ея бывшіе поклонники, подносили ей деньги во время спектаклей. Но 400, 500 руб. быстро таяли въ рукахъ женщины, швырявшей баснословныя суммы. Въ послѣдній разъ я видѣла Дальскую въ сентябрѣ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Харбинъ. Она лежала въ постели очень эффектная съ распущенными волосами, томная и блѣдная, кашляла, говорила, что доктора открыли у нея чахотку. Говорила это спокойно. Я не придавала значенія ея словамъ, потому, что знала ея страсть къ рисовкѣ и позѣ. Тѣмъ болѣе, что она просила меня оказать ей одну очень существенную услугу, и ея больно видѣ могъ способствовать успѣху дѣла. За мою услугу она отдала мнѣ письма одного лица, которыя не должны были фигурировать на судѣ. И благодаря своему необузданному, безалаберному и зазорному характеру она оттолкнула отъ себя послѣдняго члена дѣла, который такъ много для нея сдѣлалъ и поддерживалъ ее до этого времени. Я была безсильна поправить ея дѣло, по знаю, что это лицо поддерживало ее до послѣдней минуты. Когда я ѣхала въ Москву недѣлю тому назадъ въ экспресѣ въ вагонъ-салонъ, послѣ Читы вопелъ одинъ изъ крупныхъ подрядчиковъ, нѣкогда ярый поклонникъ Дальской.

На мой вопросъ,—какъ Дальская?

Онъ отвѣтилъ равнодушно:

— Лежитъ въ больницѣ—умираетъ.

— Правда ли, что она такъ нуждается?—спросила я.

Онъ отвѣтилъ,—мы всѣ ее поддерживаемъ все время.

И вотъ поставленъ крестъ надъ именемъ Магдалины Дальской. Да будетъ миръ тебѣ, мятущаяся, ярко одаренная, несчастная душа!..

Ольга Орликъ.